

СЕМЕНОВ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. ИСТОРИЯ ДВУХ ПЕСЕН

С Институтом геологии БФАН СССР я познакомилась, когда училась в школе и ходила в кружок в городском Дворце пионеров. Много времени прошло, название кружка стерлось, он назывался геологический или палеонтологический...

Руководил нашими занятиями Семенов Игорь Николаевич, кандидат геолого-минералогических наук, сотрудник Лаборатории стратиграфии кайнозоя.

Кроме занятий во Дворце, мы приходили в Институт геологии к нашему руководителю — Игорю Николаевичу, и там, в лаборатории, проводили самостоятельные наблюдения за животными. У меня была тетрадка, в которой зарисовывались пресноводные остракоды, и описывалась их жизнь в аквариуме. В те годы Игорь Николаевич работал в Институте геологии в лаборатории В.Л. Яхимович, в здании, расположенном на улице Октябрьской революции.

НИГРУ-1

Прошло несколько лет, началась учеба в университете. На одной из новых лекций в аудиторию вошел преподаватель, невысокий темноволосый человек с очень доброй и знакомой улыбкой. Это был Игорь Николаевич Семенов.

Для нас, студентов, ИНС, как мы его звали, был магнитом и ядром в любой компании, несмотря на различия в возрасте. У нас возникла группа, которую мы назвали НИГРУ-1. Это сокращение от «Научно-Исследовательская ГРУППа один» (с ударением на первую букву), т.к. подразумевалось, что за нами обязательно будут студенты младших курсов. Собирались обычно после занятий и почти каждый день. Придумали даже свою эмблему. Игорь Николаевич был генератором идей, он мог любой вопрос рассмотреть с необычной точки зрения и предложить нам попытаться найти его решение. И мы загорались, да так, что это выливалось в выступление на студенческой конференции или в увлекательные поездки, во время которых мы снимали топографический план карьера Воеводское, осваивая нивелиры и теодолиты, или в заброшенной штольне подсчитывали слои, пытаясь распознать, в летнее или зимнее время накапливались осадки. Сейчас я уже понимаю, что Игорь Николаевич был УЧИТЕЛЕМ, которому с интересом внимали все, обладавшим кроме энциклопедических знаний душевным теплом и радостью жизни.

Оренбургская область

После первого курса вместе с Игорем Николаевичем мы отправились в нашу первую экспедицию в Оренбургскую область. Жили в палатках, готовили на костре и ходили в маршруты по долине реки Сакмары. Мы помогали зарисовывать и описывать акчагыльские отложения, промывать образцы на фораминиферы, которые изучал наш учитель. В это лето я впервые почувствовала, что могу самостоятельно многое делать, впервые преодолела боязнь незнакомой обстановки и на перекладных ездила в Оренбург за билетами. Для Игоря Николаевича мы были не учениками, а равноправными коллегами. Наш лагерь мы поставили в зарослях ежевики и ивы на пойме реки, т.к. уходили в маршруты все взрослые, а охранять палатки и готовить обед оставался младший Семенов — Игорешка, или Дик. Мальчишка в таких поездках был не впервые, многое умел, и рыбный суп из консервов и ежевичный чай всегда получались вкусными. В эту поездку я узнала, что Игорь Николаевич пишет стихи и из них получаются превосходные песни. Сакмара, Салмыш, ежевичный чай — сами собой связались в песню, слова которой часто вспоминаются теперь.

* * *

Заря, как ежевичный чай, —
Кровавым заревом в полнеба.
Мы снова вспомним этот край
И тех друзей, кто с нами не был.

А мир лежит — необозрим,
И манят дальние дороги,
И рифы, синие, как дым,
Лежат у мира на пороге.

Прозрачный плавится Урал
Под зоревыми облаками.
И неба синего кристалл
Волшебно светится над нами.

И утро, тихое, какмышь,
Завесы ночи раздвигает.
Течет Сакмара, и Салмыш
С ней струи звонкие сливает.

Учитель станет наш седым,
И станем мы учителями.
И рифы, синие, как дым,
Опять прощаться будут с нами.

И снова тропами отцов
Пойдут за тайнами ребята.
Им ветер будет бить в лицо
Тревогами, как нам когда-то.

Заря, как ежевичный чай, —
Кровавым заревом в полнеба.
Мы снова вспомним этот край
И тех друзей, кто с нами не был.

И станет грустно и легко
От старых дум и новых планов.
И распахнется далеко
Мир Солнц и утренних туманов!

Август, 1977 г.
р. Сакмара, Оренбургская область

Через год Игорю Николаевичу предложили работу в Тюменском университете, куда он переехал вместе с семьей — женой и двумя сыновьями. Провожал его весь курс, все студенты, все наши НИГРУвцы.

Целый год мы переписывались, сообщали о своих успехах, спрашивали совета.

В Тюмени, кроме преподавания, Семенов работал в ЗапСибНИГНИ. К нашей радости, нам предложили поехать вместе с экспедиционным отрядом на Ямал.

Полуостров Ямал

На севере август — начало осени, пришлось собрать в дорогу множество теплых вещей — в том числе и шапку-ушанку с собой прихватили.

К месту работ мы добирались самолетом из Уфы в Тюмень, далее в Салехард летели 6,5 часов на «Аннушке» (борт 32222) с посадкой в Игриме (заправлялись). Пролетели огромную территорию (в пол-Европы): от Тюмени, через Тавду, Игрим, Березово к Салехарду.

Нас всего девять человек: ИНС (руководитель), Валера, Володя, Люба (3 курс, Тюменский госуниверситет), Юрик, Розалия, Лида, Тамара и я (2 курс, Башкирский госуниверситет).

Когда летели от Тюмени, сначала под нами было сплошное море лесов, а уже ближе к Березово поразило огромное количество воды — реки, озера, болота... К нам бы в Белую немножко перебросить... Летели низко и ребята шутили: «Видели с самолета медведя, он испугался, увидев самолет, и упал с дерева!»

Салехард в то время был столицей Ямало-Ненецкого автономного округа. Нам встретились

ненцы в национальных костюмах, летчики, моряки. Салехард стоит на Обской губе. В то время это был небольшой городок, мало пятиэтажек, дома в основном низкие. Интересно, как себя чувствуют жители во время половодья?

В Салехарде ночевали в аэропорту под лестницей на спальниках. Все шутили: «В Салехарде под забором». Утром после столовой пошли посмотреть лесотундру, впервые увидели полярную березку, иву, разнообразные мхи.

Посмотреть город детально не удалось — вскоре вылетели на нашей «Аннушке», ставшей для нас родной. Маршрут лежал на мыс Каменный, Харасавей не принимал: у берега льды, и они способствовали образованию тумана. Во время полета, куда ни кинешь взгляд, ровная местность с миллионами озер — огромные чаши с водой, ни деревца, ни домика, кое-где снег, видели стадо оленей, но небольшое, и опять озера, озера, небольшие речушки.

Каменный, это, наверное, в насмешку, т.к. кругом песок на берегу Обской губы. Сам поселок стоит на косе, аэродром и взлетно-посадочная полоса на берегу. Только спустились из «Аннушки», как попали прямо в руки пограничников. Они потребовали паспорта и пропуска, сопровождали в здание аэровокзала. Наш самолет пошел назад, в Салехард, а нам оставалось ждать его возвращения. Ходили по окрестностям поселка, продолжали собирать гербарий, начало которому было положено в Салехарде. Ходили по лагуне, дно песчаное, сверху иловатое. На песке разнообразная рябь, на гребнях ряби — намытый шлик из тяжелых минералов. На следующий день рано утром ходили фотографировать рябь, но не повезло — начался прилив и все интересные объекты скрылись под водой. Видели кулика-галстучника, чайк-клуш, трясогузок, уток...

На Харасавей мы летели двумя рейсами (каждый полет длился два часа). Рассмотреть Ямал с самолета не удалось — куча облаков и туман помешали. На вездеходе из аэропорта нас забросили в поселок Карский, расположенный на берегу Карского моря, на базу Карской КГРЭ. На следующий день вездеходом доставили к реке Тиутей-Яхе, на место нашего первого лагеря.

Жили мы в шатровой палатке, которую поставили с помощью бревен — плавника, в изобилии встречающегося на берегу моря. Соорудили нары, стол, поставили буржуйку и даже настелили паркет. В маршруты ходили по берегу Карского моря, по долинам рек (рис. 1). Иногда переходили речки вброд, после этого сложилась поговорка «Тиутей-Яха река не из парного молока!» Из расчисток отбирали образцы для палеомагнитных исследований — ножами вырезали кубики, обматывали марлей

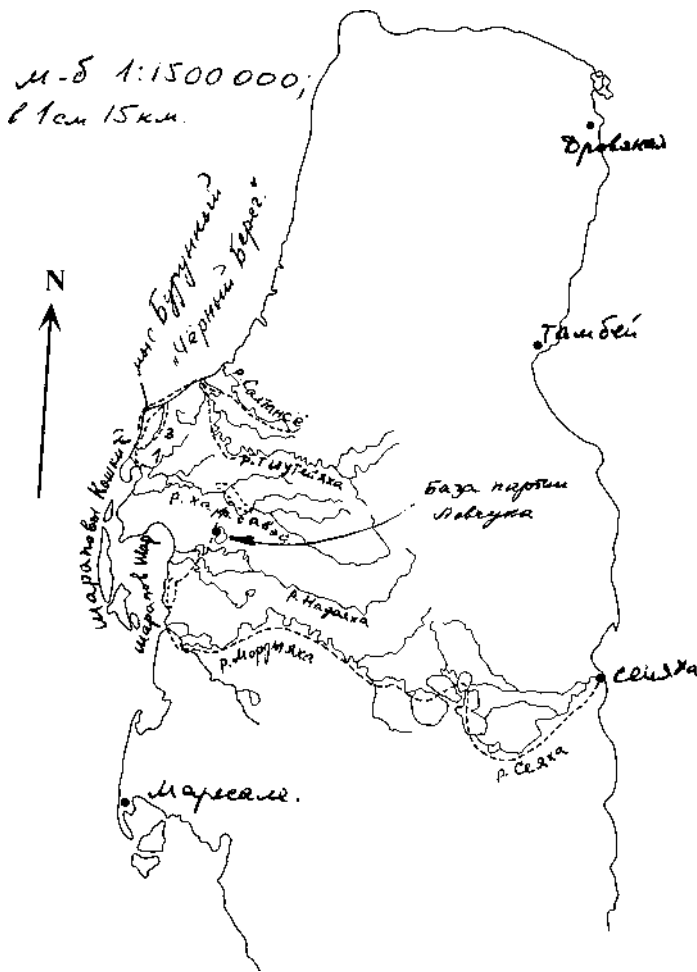

Рис. 1. Карта-схема маршрутов на Ямале

Надписи сделаны И.Н. Семеновым

и окунали в горячий парафин. Высота обрывов, из которых отбирались образцы — 10–15 м. На берегу реки Моржовка (Тютей-Яха) нашли черепа песца, моржа и тюленя, видели морозобойную трещину шириной до 70 см и глубиной до 2–3 м, точнее не удалось измерить, и термокарстовые озера — яреи. Тундра вся заболочена, ИНС показал булгуниахи — вспучения льда, иногда лед выходит на поверхность. На этих холмиках обычно полярные совы и канюки устраивают наблюдательные пункты, доказательством служат погадки и кости мелких грызунов. Видели норы леммингов и даже поймали одного маленького. Недалеко от устья Тютей-Яхи на высоком берегу стоит пирамида из костей, рогов и черепов разных животных — это священное место ненцев (рис. 2, 3).

Во время маршрута по побережью Карского моря на юго-запад от устья р. Яуненз встретили один из лучших на побережье солифлюкционных цирков. Его диаметр около 100 м, высота обрывов 18–20 м. На дне цирка развито низовое осоково-

моршковое болото, это болото прорывается селевым потоком, идущим из одного из овражков, забитого снежником. Поверхность снежника интенсивно розовая от колоний микроводорослей. Из болота вытекает ручеек, который в устье цирка сформировал водопад высотой до 1 м.

18 августа пошел первый снег и резко похолодало, на море начался небольшой шторм. Вечером в 200 метрах от лагеря видели белого медведя.

От Тютей-Яхи мы переехали на базу в поселок Карский. По дороге, когда ехали на вездеходе мурманчан, видели маленького песца, поймали его, сфотографировали и отпустили... Около маяка на мысе Бурунном видели мощнейшую солифлюкционную оплывину. В поселке нас ждали баня и балок, который для тепла пришлось просфагновать. Интересное наблюдение, сделанное в поселке — собаки и кошки (пес Барсик, коты Васька и Семен Иванович) как будто забыли об извечной вражде, живут в мире,

Рис. 2. И.Н. Семенов. В маршруте. Август, 1978 г.

Рис. 3. И.Н. Семенов. Священное место ненцев, устье р. Тиутей-Яха. Август, 1978 г.

как будто понимают, что прожить и выжить в суровых условиях можно только в дружбе.

Следующий наш лагерь был у маяка на мысе Бурунном.

На побережье Карского моря — в устьях рек — плавник, обломки и морской хлам, а вдоль кромки воды штормами намыта гряда из раковин моллюсков, водорослей и других морских организмов — крабов, медуз, рачков и пр. (целый ящик ракушек я привезла в Уфу, а В.С. Зархидзе, геолог и пале-

онтолог из Архангельска мне помог их определить, но это было позднее).

Дежурство на кухне превращалось в «черный день», так как сырые дрова проходило растапливать соляркой. На печке-буржуйке все блюда получались очень вкусными. Иногда мы пекли лепешки, считавшиеся деликатесом, свежего хлеба не было, а сухари быстро надоели. Меню старались разнообразить, а блюдам придумать северные названия. Например, на завтрак почти всегда была верми-

Рис. 4. Ямальская экспедиция. Август, 1978 г.

шель, в конце экспедиции в меню она именовалась не иначе как «Бурда ямальская», но к чаю подавали конфеты «Мишка на севере». В обед (по выходным, так как в маршрутах был сухой паек) подавались холодные закуски: УВК по-ненецки, галеты сухие «Море, море» (иногда они были и мокрые), масло «Туманная мечта». УВК — это улучшитель вкусовых качеств, горошек зеленый (не путать с учебно-воспитательной комиссией в ВУЗах). На горячее предлагали «Фантазию харасавейскую» (с «псевдо-шавелем» — растением, которое нашли в тундре), плов из оленины по-мерзлотному «Бегущий олень» и горячее шампанское «Не повторяется такое никогда». Блюда, подававшиеся на ужин, тоже отличались изысканностью вкуса: Борщ из ямальской специи «Синий лес», каша «Романтика» и морошковый чай «Непонятное станет понятным».

В конце августа наш отряд разделился, уфимцы возвращались, предстояли обязательные по тем временам сельхозработы в Благоварском районе Башкирии, а тюменцы оставались на Ямале. Грустным вышло расставание, несмотря на пельмени из оленины и магнитофон, что принесли нам мурманчане, наши соседи по мысу Бурунному. Ночью Игорь Николаевич написал песню.

* * *

За мысом Бурунным —
Ложится туман.
За мысом Бурунным —
Кипит океан.
И следом медведя
Ребята идут
На труд и на подвиг
И снова на труд.

Как готовились, ждали
И верили мы,
Что седые края
Удивят нас немало,
Только трудно теперь
Жить без шума волны,
Через сердце проходят
Туманы Ямала.

Безмолвными с нами
Льдины плывут
И манят и манят
И в дали зовут.
Но север суров,
И лишь только любя,
Здесь станешь честней
И сильнее себя.

Полоса побережья
Без конца, без конца —
Одинокие небо
И море и реки.
И тревожною грустью
Заболели сердца.
Бесконечно смятение
Чувств в человеке.

Ты в любви признаваться
Не спеши, не спеши,
Надо много души
Полуночному краю.
Здесь любовь не в домашней
Обветшалой тиши,
А огнем ледяным
На ветру проверяют.

Окончен сезон,
Расставанье пришло.
Прощальные взоры
Тоской обожгло.
Но катит на берег
Клокочущий вал,
И снова и снова
Мне снится Ямал.

22–23 августа, 1978 г.
Мыс Бурунный, Ямал.

До базы добирались пешком, переходя вброд
холодные речки.

* * *

В самолете познакомились с инженером-буровиком Сергеем Лимом, который летел на пересменку. В Тюмени он устроил нас к себе в общежитие, утром накормил, рассказал, как добраться до гор-агентства, пожелал счастливого пути. Удивительный человек! Нам он никто, а так отнесся, как будто мы его хорошие знакомые или родственники. Один из тех людей, которые так нам понравились во время экспедиции. Он был последним звеном, соединявшим с севером.

* * *

Две экспедиции, совсем недолгие, но яркие и запоминающиеся, как песни, написанные Игорем Николаевичем, и как вся его жизнь, отданная науке.

Для меня эти впечатления и знакомство с Семеновым были решающими для выбора профессии.

Кандидат геол.-минер. наук Г.А. Данукалова